

УДК 323.281; 343.102

НОРМАТИВНАЯ ОСНОВА РЕПРЕССИЙ В БССР ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX СТОЛЕТИЯ

Ю. П. Шкаплеров

кандидат юридических наук, доцент,
первый заместитель начальника
Могилевского института МВД (Беларусь)

В статье проводится историко-правовое исследование нормативного регулирования репрессий в БССР в первой половине XX в. Автором анализируются нормативные акты, принятые центральным руководством СССР, БССР, а также НКВД и другими ведомствами, иные документы, составлявшие юридическую основу для реализации репрессий в Советском государстве. При этом акцент сделан на досудебную деятельность государственных органов, осуществлявших данные репрессии. Указывается на то, что репрессии, имевшие конкретную юридическую основу, в 1937–1938 годах на местах приобрели характер массовых нарушений законодательства, в связи с чем Правительство Советского Союза было вынуждено их минимизировать и привлечь к ответственности определенных должностных лиц, в том числе и в БССР.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное производство, уголовное дело, репрессии.

Неотъемлемой частью истории государства и права нашей страны советского периода является так называемый период массовых, либо политических, репрессий. В большей мере данный период ассоциируют со второй половиной 1930-х гг., когда эти репрессии действительно приобрели значительный масштаб. Тема массовых репрессий после смерти И. В. Сталина начиная с XX съезда КПСС подвергалась широкому, а с 1980-х гг. — гипертрофированному рассмотрению не только в юридической литературе, но и прежде всего в художественных произведениях, что в итоге довольно часто порождало эмоциональный и необъективный анализ их причин, хода и последствий.

Не вдаваясь в затяжную дискуссию о количестве жертв политических репрессий в СССР в целом и БССР в частности, представляется целесообразным провести историко-правовой анализ нормативного регулирования репрессий советским правительством. При этом все-таки стоит отметить, что активная репрессивная политика является характерной особенностью любой страны победившей революции, а в Советском Союзе она, помимо внутривнутриполитического противоборства, предопределилась в немалой степени борьбой с соседними странами за существование нового государства.

Особое место в вопросе о внесудебных репрессиях занимают Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (далее — ВЧК) и ее преемники — Главное политическое управление НКВД (далее — ГПУ) и др. Согласно Декрету Совета Народных Комиссаров РСФСР (далее — СНК) от 21 февраля 1918 г. «Социалистическое Отечество в опасности!», ВЧК впервые получила полномочия по применению внесудебных расправ. В данном документе, помимо прочего, указывалось следующее: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления» [1]. Вместе с тем указанные чрезвычайные полномочия применялись редко. За первые семь месяцев своего существования ВЧК официально приговорила к высшей мере наказания 27 человек [2, с. 4].

Разрастание Гражданской войны подтолкнуло V Всероссийский съезд Советов 5 июля 1918 г. потребовать применения массового террора против врагов советской власти. Были введены такие меры борьбы, как взятие заложников, изоляция «контрреволюционных элементов» в концентрационные лагеря. Право брать заложников

предоставили ВЧК и ее местным органам. Вслед за покушением на В. И. Ленина и убийством М. С. Урицкого Совет народных комиссаров (далее — СНК) в своем постановлении от 5 сентября 1918 г. определил, что с этого времени подлежали «расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам...», после чего по всей стране началось взятие заложников и массовые расстрелы [2, с. 4].

В последующем в связи с продолжением Гражданской войны и иностранной интервенции полномочия ВЧК по внесудебному преследованию граждан неоднократно расширялись. Так, например, Декретом Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее — ВЦИК) от 20 июня 1919 г. «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» ВЧК разрешалось расстреливать лиц, участвующих в поджогах, взрывах, умышленном повреждении железнодорожных путей и иных действиях с контрреволюционными намерениями [3].

После окончания Гражданской войны страна начала постепенно переходить от экстремальных условий к обычной жизни, в связи с чем 6 февраля 1922 г. ВЧК и ее органы на местах были упразднены, а созданное при НКВД РСФСР Главное политическое управление и его территориальные органы должны были передавать расследовавшиеся ими дела по подсудности, т. е. они уже не наделялись внесудебными полномочиями. Тем не менее Декретами ВЦИК от 10 августа и 16 октября 1922 г. ГПУ вновь уполномочивалось проводить внесудебное преследование и административные ссылки [2, с. 9–10].

Следует также акцентировать внимание на том, что в СССР упрощение порядка расследования «политических» уголовных дел и рассмотрения их в суде предусматривалось и в Уголовно-процессуальном кодексе (далее — УПК). В частности, в связи с убийством 1 декабря 1934 г. С. М. Кирова в этот же день Центральный исполнительный комитет (далее — ЦИК) СССР «в целях более решительной борьбы с подобными террористическими преступлениями» установил, что по делам о террористических организациях и террористических актах срок предварительного следствия сокращался до 10 дней, обвинительное заключение подлежало вручению обвиняемому за одни сутки до рассмотрения дела в суде, а в судебном заседании исключалось участие защитника, кассационное обжалование и подача ходатайств о помиловании. Кроме того, Законом от 14 сентября 1937 г. по делам о контрреволюционном вредительстве и диверсиях срок вручения обвиняемому обвинительного заключения также был уменьшен и составил одни сутки до начала судебного заседания [4, с. 67]. Все эти положения в кратчайшие сроки нашли свое отражение в УПК БССР [5, с. 30–31].

Но наибольшее распространение репрессии получили в 1937–1938 гг. с принятием Политбюро ЦК ВКП(б) 2 июля 1937 г. решения «Об антисоветских элементах» [6], на основании которого 30 июля 1937 г. нарком внутренних дел Н. Ежов издал оперативный приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» [7]. Данным приказом перед органами государственной безопасности ставилась задача «самым беспощадным образом разгромить... банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства». Для решения этой задачи с 5 августа 1937 г. во всех республиках, краях и областях начиналась операция «по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников», которая должна была быть закончена в течение нескольких месяцев. В отдельных республиках Средней Азии, а также в Сибири срок начала репрессий начинал течь с 10 и 15 августа соответственно. В разделе II «О мерах наказания репрессируемым и количестве подлежащих репрессии» приказа № 00447 все «репрессируемые кулаки, уголовники и др. антисоветские элементы» разбивались на две

категории: к первой категории относились «все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов». Они подлежали немедленному аресту и по рассмотрении их дел «тройками» — расстрелу; ко второй категории относились «все остальные менее активные, но все же враждебные элементы». Их надлежало подвергнуть аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а «наиболее злостные и социально опасные из них», по определению «троек», заключались на те же сроки в тюрьмы [7]. На основании данных, представленных наркомом республиканских НКВД и начальниками краевых и областных управлений НКВД, в рассматриваемом приказе устанавливались конкретные цифры лиц, «подлежащих репрессии». В Белорусской ССР расстрелу подлежало 2000 человек, а заключению в лагеря — 10000. Утвержденные цифры являлись ориентировочными, т. к. наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД могли ходатайствовать об их увеличении перед наркомом внутренних дел СССР [7], что и происходило повсеместно.

Порядок внесудебного преследования граждан заключался в следующем. На каждого репрессированного собирались подробные установочные данные и компрометирующие материалы, на основании которых составлялись списки на арест. Данные списки подписывались начальниками специально созданных оперативных групп и в двух экземплярах отсылались на рассмотрение и утверждение наркому внутренних дел, начальнику управления или областного отдела НКВД. Названные должностные лица, рассмотрев списки, давали санкцию на арест перечисленных в нем лиц. После этого начальник оперативной группы производил арест, оформлявшийся ордером. При аресте обязательно проводился обыск, в ходе которого подлежали изъятию оружие, боеприпасы, военное снаряжение, взрывчатые вещества, отравляющие и ядовитые вещества, контрреволюционная литература, драгоценные металлы в монете, слитках и изделиях, иностранная валюта, множительные приборы и переписка. Результаты обыска отражались в протоколе [7].

Однако даже такой минималистичный порядок проведения арестов повсеместно нарушался. В частности, руководство Прокуратуры БССР давало санкции на аресты не только по представленным материалам, но и по выпискам из них, и даже по телефону. Кроме того, в практической деятельности аресты санкционировали законодательно не уполномоченные на это прокурорские работники. В итоге за 1937–1938 гг. белорусская прокуратура санкционировала 1518 арестов, хотя фактически органами НКВД в обозначенный период было арестовано несколько десятков тысяч человек. Зная о такой практике со стороны НКВД, Прокуратура БССР никак на нее не реагировала [8]. Уже бывший наркомом внутренних дел СССР Н. И. Ежов позднее пояснял это следующим образом: «Прокуратура СССР не могла, конечно, не заметить этих извращений. Поведение Прокуратуры СССР и, в частности, Прокурора СССР Вышинского я объясняю той же боязнью посориться с НКВД и показать себя менее “революционным” в смысле проведения репрессий. Только этими причинами я могу объяснить фактическое отсутствие какого бы то ни было прокурорского надзора за этими делами и отсутствие протестов на действия НКВД в правительстве...» [9, с. 87].

На каждого арестованного или группу арестованных заводилось следственное дело. Само же следствие проводилось «ускоренно и в упрощенном порядке» и мало походило на уголовное дело, предусмотренное УПК. В процессе следствия должны быть выяснены все преступные связи арестованного. Оконченное следственное дело, к которому приобщались ордер на арест, протокол обыска, материалы, изъятые при обыске, личные документы, анкета арестованного, агентурно-учетный материал, протокол допроса и краткое обвинительное заключение, направлялось на рассмотрение «тройки» [7].

В состав специально созданных «троек», которые принимали решения о виновности подсудимых, в каждом крае и области входили высшие местные руководители: начальник управления НКВД, краевой либо областной прокурор

и первый секретарь крайкома или обкома ВКП(б). Персональные составы «троек» были утверждены приказом № 00447 [7].

Согласно нормативно установленному правилу, «тройки» были обязаны рассматривать представленные им материалы на каждого арестованного или группу арестованных, а также на каждую подлежащую выселению семью в отдельности [7]. Вместе с тем фактически дела рассматривались списком, по несколько сотен фамилий в день, уделяя одному человеку минимум времени, без возможности обжалования приговора, а зачастую заседание и вовсе было заочным [10, с. 105–106].

«Тройки» в зависимости от характера материалов и степени социальной опасности арестованного могли отнести его к другой категории репрессируемых, невзирая на то, в какой из двух категорий он изначально числился [7].

Заседания «троек» оформлялись протоколами, в которые записывались вынесенные ими приговоры. Выписки из протоколов в отношении каждого осужденного подлежали приобщению к следственным делам. Данные протоколы направлялись начальнику оперативной группы для приведения приговоров в исполнение [7].

Репрессии 1937–1938 гг., характеризовавшиеся чудовищным размахом произвола и беззакония, вызвали недовольство населения, что вынудило руководство СССР минимизировать их. Так, уже 20 января 1938 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков», в котором внимание партийных организаций и их руководителей обращалось на то, что те, «проводя большую работу по очищению своих рядов..., допускают в процессе этой работы серьезные ошибки и извращения», а также что вопреки неоднократным указаниям и предупреждениям ЦК ВКП(б) они «во многих случаях подходят совершенно неправильно и преступно легкомысленно к исключению коммунистов из партии» [11].

Кроме того, И. В. Сталин предложил создать комиссию по проверке деятельности НКВД СССР, введя туда начальника Управления кадров ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова и Л. П. Берия, назначенного в августе 1938 г. заместителем наркома внутренних дел СССР. По предложению комиссии 17 ноября 1938 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» [12, с. 103–104], в котором утверждалось, что «массовые операции... проведенные... при упрощенном ведении следствия и суда, не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и Прокуратуры» [13]. Однако ответственность за это перекладывалась на врагов народа, пробравшихся в Прокуратуру и НКВД СССР, которые «как в центре, так и на местах, продолжая вести свою подрывную работу, старались всячески запутать следственные и агентурные дела, сознательно извращали советские законы, проводили массовые и необоснованные аресты, в то же время спасая от разгрома своих сообщников» [13]. Что интересно, в данном постановлении, немедленно разосланном на места, приводились наиболее распространенные примеры нарушений закона. Так, арестованный часто не допрашивался в течение месяца после ареста, а иногда и более. При самом допросе мог не вестись протокол следственного действия; показания арестованного записывались следователем в виде заметок, а затем, спустя продолжительное время, составлялся общий протокол; довольно часто протокол допроса не составлялся до тех пор, пока арестованный не признавался в совершенных им преступлениях; нередкими были случаи, когда в протокол допроса вообще не вносились показания обвиняемого, опровергавшие те или другие данные следователя. Следственные дела оформлялись неряшливо, в них помещались «черновые, неизвестно кем исправленные и перечеркнутые карандашные записи показаний», а также не подписанные допрашиваемым и следователем протоколы допросов, никем не подписанные иные процессуальные документы. Руководством СССР были озвучены претензии и в адрес органов прокуратуры, которые со своей стороны не принимали необходимых мер

к устранению нарушений законодательства со стороны работников НКВД, «сводя, как правило, свое участие в расследовании к простой регистрации и штампованию следственных материалов», что фактически легализовывало эти нарушения [13].

Для устранения всех этих недостатков в указанном постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) определялись меры по восстановлению и укреплению законности. В частности, органам НКВД и Прокуратуры СССР запрещалось «производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению». Судебные «тройки», созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также «тройки» при областных, краевых и республиканских управлениях рабоче-крестьянской милиции ликвидировались. Досудебное производство по политическим делам требовалось осуществлять исключительно на основе положений УПК с обеспечением надлежащего прокурорского надзора. А аресты, в соответствии со ст. 127 Конституции СССР, полагалось производить только по постановлению суда или с санкции прокурора [13].

В декабре 1938 г. было принято совместное постановление СНК СССР и ВКП(б) «О порядке согласования арестов». С этого момента разрешения на аресты депутатов Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных республик предписывалось согласовывать с председателем президиумов соответствующих Советов. Арестовать руководящих работников наркоматов, центральных учреждений, ученых, профессоров, военнослужащих разрешалось только по согласованию руководства НКВД СССР с соответствующими народными комиссарами. На аресты членов и кандидатов ВКП(б) требовалось согласие первого, а в его отсутствие — второго секретаря районного, городского, краевого, областного комитета или ЦК Компартии по принадлежности [12, с. 105]. Здесь стоит отметить, что содержание данного постановления во многом походит на текст постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке производства арестов» 1935 г. [14], которое в 1937–1938 гг. было основательно забыто.

Приход Л. П. Берии в руководство НКВД СССР совпал с первой волной реабилитации. Уже во второй половине 1938 г. были освобождены несколько десятков человек, признанных безвинно арестованными [12, с. 105].

28 декабря 1938 г. Л. П. Берия и Прокурор СССР А. Я. Вышинский подписали Директиву начальникам областных и краевых управлений НКВД СССР «О пересмотре решений «троек» по заявлениям и жалобам пострадавших», которой обязывали начальников союзных, автономных НКВД, а также краевых, областных управлений НКВД и рабоче-крестьянской милиции во всех случаях рассматривать поступившие к ним заявления и жалобы на решения «троек» и в случае признания неправильности принятого ранее решения и необходимости его отмены выносить постановления о прекращении дела [15]. В развитие новой, уже реабилитационной тенденции были приняты приказ НКВД СССР и Прокурора Союза ССР № 001214 от 10 октября 1939 г. «В развитие Директивы НКВД и Прокуратуры Союза ССР № 2709 от 26 декабря 1938 г. об отмене неправильных решений бывших троек НКВД-УНКВД» [16], приказ НКВД СССР № 00497 от 8 мая 1939 г. «О порядке рассмотрения жалоб осужденных ранее действовавшими тройками при НКВД, УНКВД и УРКМ» [17], приказ НКВД СССР № 0335 от 7 октября 1939 г. «О пересмотре решения бывших троек НКВД, УНКВД по делам о несовершеннолетних преступниках» [18] и др. Факты реабилитации, явившиеся следствием Директивы «О пересмотре решений троек по заявлениям и жалобам пострадавших» 1938 г., в народе называли «бериевскими» [12, с. 105].

Однако на местах меры по ограничению репрессий встретили противодействие. Так, комиссия ЦК КП(б) Белоруссии по приему и передаче дел Прокуратуры БССР 7 марта 1940 г. констатировала, что «Директива (шифровка) ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР от 16 ноября 1938 года о неприведении в исполнение решений троек обязывала прокурора республики проследить за исполнением и о реализации этой директивы донести прокурору Союза», однако фактически Прокуратура БССР ничего не сделала, «в то время как... руководством НКВД БССР... директива не была

выполнена и были незаконно расстреляны несколько сот человек». Более того, «в Прокуратуре БССР работа по-настоящему не была перестроена... Рассмотрение жалоб и пересмотр дел с решениями троек находилось на день проверки в запущенном состоянии, учет жалоб по контрреволюционным делам отсутствовал, на жалобы в течение ряда месяцев, даже свыше года, не давались ответы. Прокурором БССР НОВИКОМ была дана установка: жалобы осужденных к ВМН [высшей мере наказания] вовсе не рассматривать» [8]. Представляет интерес то обстоятельство, что, реально отказавшись от сворачивания репрессий, прокурор БССР С. Я. Новик 22 мая 1938 г. на Всесоюзном совещании прокуроров союзных и автономных республик, краев и областей уверенно докладывал: «...мы взяли за ликвидацию последствий вредительства. В соответствии с приказом Прокурора Союза ССР и НКЮ СССР мы пересмотрели все дела, связанные с осуждением колхозного и деревенского актива... Из просмотренных таких дел примерно 60 970 дел, приговоры по которым мы сейчас отменили, вовсе прекратили в отношении 5465 дел, т. е. 8,9 %; приговоры изменены в отношении 3,5 %, возбуждено ходатайством перед ЦИКом БССР о снятии судимости в отношении 60 % осужденных, из этого количества отменены и дела отправлены на доследование — 1 %. Таким образом, ... здесь всего только правильно осужденных было 27 %, остальные 63 % пострадали совершенно невинные люди» [19].

Игнорирование местными органами НКВД и прокуратурой требований руководства СССР о минимизации репрессий не могло длиться долго. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О работниках для НКВД СССР» и соответствующим приказом НКВД СССР № 59 от 3 мая 1939 г., продолжалась чистка органов НКВД [12, с. 104]. В приказе НКВД СССР № 001374 от 9 ноября 1939 г. «О недостатках в следственной работе органов НКВД» констатировалось повсеместное нарушение требований об ограничении репрессий и уголовно-процессуального законодательства (нарушение сроков следствия, отсутствие санкционирования прокурорами заключения под стражу, несвоевременное предъявление обвинений, проведение допросов обвиняемых и т. п.). Особо в качестве негативного примера приводилось уголовное дело НКВД БССР 1938 г. по обвинению П. А. Зубик-Зубковского в шпионаже в пользу одной из иностранных разведок, в материалах которого отсутствовало 19 листов подряд. В связи с этим требовалось наложить взыскания на лиц, виновных в указанных в данном приказе нарушениях, провести дополнительные проверки следственных дел, установить строгий контроль за соблюдением всех уголовно-процессуальных норм и освободить из-под стражи незаконно арестованных по всей стране [20].

Таким образом, путем последовательного давления руководства СССР на руководителей республик, областей и краев массовые репрессии были прекращены. В качестве органа внесудебной репрессии до своего упразднения 1 сентября 1953 г. сохранилось только Особое совещание при НКВД СССР [2, с. 42], еще на несколько лет сохранился и порядок осуждения по спискам, хотя при этом он и претерпел изменения. Так, в случаях, когда предполагалось осуждение «в порядке Закона от 1 декабря 1934 года», нарком внутренних дел (иногда вместе с Прокурором СССР) подавал на имя И. В. Сталина записку с просьбой о получении соответствующей санкции. В записке чаще всего указывалось точное число подлежащих расстрелу и осуждению в лагерь, к ней прилагались, как правило, списки намеченных к осуждению. На основании этой записки Политбюро издавало постановление, после чего Военная коллегия Верховного Суда СССР рассматривала дела по существу [12, с. 106, 109].

Заканчивая рассмотрение обозначенного проблемного поля, необходимо отметить следующее. В первой половине XX в. в СССР в целом и в БССР в частности репрессивная досудебная деятельность осуществлялась на основе принятых в установленном порядке нормативных правовых актов, в том числе регламентировалась отдельными положениями УПК БССР, то есть носила не «незаконный», а легальный характер и являлась объективным следствием исторического процесса. Массовые

репрессии 1937 – первой половины 1938 г. в немалой степени являли собой отступление от требований законодательства. При этом попытки руководства СССР положить конец этим злоупотреблениям на местах изначально не дали желаемого результата. Даже наоборот, в БССР соответствующие требования центральных органов Советского Союза сподвигли руководителей НКВД и Прокуратуры БССР ускорить исполнение смертных приговоров в отношении нескольких сотен человек.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Социалистическое отечество в опасности! [Электронный ресурс] : Декрет СНК РСФСР, 21 февр. 1918 г. // Электронная библиотека исторических документов. — Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/78204-dekret-snk-sotsialisticheskoe-otechestvo-v-opasnosti-21-fevralya-1918-g#mode/inspect/page/1/zoom/4>. — Дата доступа: 15.09.2021.

2. Мозохин, О. Б. Репрессии в цифрах и документах / О. Б. Мозохин. — М. : Вече, 2017. — 479 с.

3. Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК, 20 июня 1919 г. // Электронная библиотека исторических документов. — Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/15690>. — Дата доступа: 15.09.2021.

4. Строгович, М. С. Уголовный процесс / М. С. Строгович ; Ин-т права АН СССР. — М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. — 311 с.

5. Уголовный процесс БССР / под общ. ред. Д. С. Карева, Е. А. Матвиенко. — Минск : Высш. шк., 1965. — 308 с.

6. Об антисоветских элементах [Электронный ресурс] : решение Политбюро ЦК ВКП(б), 2 июля 1937 г. // Электронная библиотека исторических документов. — Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/162316>. — Дата доступа: 15.09.2021.

7. Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов [Электронный ресурс] : оперативный приказ Народного комиссара внутренних дел Союза ССР, 30 июля 1937 г., № 00447 // Электронная библиотека исторических документов. — Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/63461#mode/inspect/page/5/zoom/4>. — Дата доступа: 15.09.2021.

8. Выводы комиссии ЦК КП(б) Белоруссии по приему и передаче дел Прокуратуры БССР. 7 марта 1940 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. — Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/49375#mode/inspect/page/2/zoom/4>. — Дата доступа: 17.09.2021.

9. Бобреньев, В. А. Щит или меч? / В. А. Бобреньев // Прокуроры. Документально-публицистический сборник о делах и людях прокуратуры / сост. Н. Б. Вишнякова, Г. Е. Миронов. — М. : РОССПЭН, 1996. — С. 87–89.

10. Фаргусов, Д. Б. Формирование правовой основы политических репрессий (1936 г.) / Д. Б. Фаргусов // Тармахановские чтения I: Российская революция 1917 г. : материалы всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию Российской революции 1917 г. и 95-летию профессора исследователя индустриальных процессов послеоктябрьской Сибири Е. Е. Тармаханова / науч. ред. Т. В. Паликова, отв. ред. О. Н. Полянская. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. — С. 103–107.

11. Из постановления Пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении из партии, о формально бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». 20 января 1938 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. — Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/166954#mode/inspect/page/1/zoom/4>. — Дата доступа: 16.09.2021.

12. Варфоломеева, М. И. Особенности репрессивной политики советской власти в конце 1930-х годов / М. И. Варфоломеева // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. — 2008. — № 1. — Вып. 5. — С. 103–109.

13. Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия [Электронный ресурс] : постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), 17 нояб. 1938 г. // Электронная библиотека исторических документов. — Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/169509#mode/inspect/page/3/zoom/4>. — Дата доступа: 17.09.2021.

14. Об утверждении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке производства арестов» [Электронный ресурс] : постановление Политбюро ЦК ВКП(б), 21 июня 1935 г. // Электронная библиотека исторических документов. — Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/77770#mode/inspect/page/1/zoom/4>. — Дата доступа: 18.09.2021.

15. О пересмотре решений троек по заявлениям и жалобам пострадавших [Электронный ресурс] : директива НКВД и Прокуратуры СССР, 28 дек. 1938 г. // Электронная библиотека исторических документов. — Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/63158>. — Дата доступа: 17.03.2021.

16. В развитие директивы НКВД и Прокуратуры Союза ССР № 2709 от 26 декабря 1938 г. об отмене неправильных решений бывших троек НКВД-УНКВД [Электронный ресурс] : приказ НКВД СССР и Прокурора Союза ССР № 001214, 10 окт. 1939 г. // Электронная библиотека исторических документов. — Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/166784#mode/inspect/page/2/zoom/4>. — Дата доступа: 18.09.2021.

17. О порядке рассмотрения жалоб осужденных ранее действовавшими тройками при НКВД, УНКВД и УРКМ [Электронный ресурс] : приказ НКВД СССР № 00497, 8 мая 1939 г. // Электронная библиотека исторических документов. — Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/63199#mode/inspect/page/1/zoom/4>. — Дата доступа: 18.09.2021.

18. О пересмотре решения бывших троек НКВД, УНКВД по делам о несовершеннолетних преступниках [Электронный ресурс] : приказ НКВД СССР № 0335, 7 окт. 1939 г. // Электронная библиотека исторических документов. — Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/166782>. — Дата доступа: 18.09.2021.

19. Из выступления прокурора БССР С. Я. Новика на Всесоюзном совещании прокуроров союзных и автономных республик, краев и областей. 22 мая 1938 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. — Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/63058#mode/inspect/page/1/zoom/4>. — Дата доступа: 18.09.2021.

20. О недостатках в следственной работе органов НКВД [Электронный ресурс] : приказ НКВД СССР № 001374, 9 нояб. 1939 г. // Электронная библиотека исторических документов. — Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/78431#mode/inspect/page/5/zoom/4>. — Дата доступа: 18.09.2021.

Поступила в редакцию 11.11.2021 г.

Контакты: shkaplerov@yandex.ru (Шкаплеров Юрий Павлович)

Shkaplerov Yu. P.
NORMATIVE FRAMEWORK OF REPRESSION IN THE BSSR OF THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

The historical and legal study of the normative regulation of repressions in the BSSR of the first half of the XX century is conducted in the article. The author analyzes the normative acts adopted by the central leadership of the USSR, the BSSR, NKVD, other departments and documents that formed the legal basis for the implementation of the repressions of the soviet state. At the same time, the emphasis has been placed on the pre-trial activities of state bodies that carried out these repressions. It is pointed out that repressions, which had a specific legal basis, acquired the character of massive violations of legislation in the second half of 1937–1938, as the result the government of the Soviet Union was forced to minimize them and bring to justice certain officials including in the BSSR.

Keywords: *criminal procedure, pre-trial proceedings, criminal case, repression.*